

В О С Т О К

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

К Н И Г А П Я Т А Я

**„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 г. — ЛЕНИНГРАД**

А. ЯКУБОВСКИЙ

ОБРАЗЫ СТАРОГО САМАРКАНДА

(ВРЕМЯ ТИМУРА)

I

В В Е Д Е Н И Е

Наша задача — дать несколько образов, относящихся к жизни города Самарканда на грани XIV и XV в.в., в эпоху Тимура.

Среди интересных восточных городов Самарканд занимает исключительное место. Его до-мусульманское прошлое окутано туманом, сквозь который однако можно усмотреть четкие линии феодальной культуры, выросшей на почве иранского населения. Как вокруг сеньера, около самаркандского „ихшида“ (князя) группируются „дихканы“ — крупные землевладельцы, живущие в своих укрепленных владениях-замках.

Воинствующий ислам, продвигаясь по древним путям мировой торговли, прочно захватил этот город, лежащий на перекрестке дорог, стоящий почти на границе степи и культурной полосы. На возделанную почву древнего Согда не без борьбы лег новый культурный слой, тесно связанный с пришельцами-завоевателями. Арабы и ислам надолго определили физиономию завоеванного города. Небольшой, он лежал в прекрасной местности, вблизи реки Согд (ныне Заравшан), у подножья холмов, носящих в наши дни имя Чапан-Ата. До сего дня на север от нынешнего туземного города лежит старое городище Афросиаб — развалины древнего Самарканда. Ценная по своему торговому значению, здоровая и красивая местность полюбилась завоевателям-арабам. Очаровательными легендами окутали последующие поколения образ этого города.

„За рекой Джейхуном находится город с большим количеством земли и проточной воды, который называется городом хранимым. Он имеет врата и у каждого врат по пяти тысяч ангелов с распростертыми крыльями, оберегающих жителей этого города... В городе

имеется вода белая, сладкая, чистая, вкусная. Каждый, кто напьется этой воды, чувствует себя как бы напившимся райской воды, а каждый, кто совершит полное омовение в этой воде, освободится от всех грехов и становится чистым, как только что рожденный матерью“¹⁾.

В течение ряда столетий, начиная с VIII века, рос Самарканд под властью арабов, обстраивая цитадель и шахристан (административный центр) правительственными, общественными и частными зданиями. Рос и базар, который лежал в южной части, выходя за пределы нынешнего Афросиаба и постепенно переходя в район современного туземного города. Находясь на восточной границе мусульманского мира, город отражал на себе как выгоды, так и невыгоды своего положения.

Благодаря проходившим через него торговым дорогам, удачно сложилась его хозяйственная жизнь. В середине VIII века от китайцев научились жители Самарканда производству тряпичной бумаги, которая в течение ряда веков создавала славу городу и, как прекрасный фабрикат, нашла себе сбыт на западе и, постепенно завладев культурным рынком, вытеснила прежний писчий материал — пергамент и папирус. С запада через Персию пришла к самаркандцам техника выделки тканей, и самаркандские материи, хорошие качеством, находили сбыт далеко за пределами Туркестана²⁾.

И любопытно: далеко не изжитые формы феодального строя легко уживались с бойким товарообменом, идущим караванным путем. Уже самое название ворот, поставленных в стене, окружающей Самарканд (рассматриваемого периода), указывает на направление дорог, которые сходились в нашем городе. В южной стороне шахристана находились ворота Кешские, через которые проходила дорога на Кеш и дальше на Термез, откуда на Балх. В северной части были ворота Бухарские, отсюда шла дорога на Бухару, а затем с одной стороны на Амуд, Мерв — дальше в Хорасан, а с другой — на Хорезм. В восточной стене были ворота Китайские, указывающие на караванную торговлю с Китаем. И, наконец, на западе ворота Наубехарские.

Арабское завоевание, связав Самарканд с западными (по отношению к нему) областями более прочно, чем это было при Сасанидах, только содействовало росту нашего города.

Но лежащий на грани степи и культурной полосы, Самарканд отражал на себе влияния не только последней. Не меньшую, если не большую роль в его судьбе сыграла беспокойная степь. Не раз степняки накладывали свою руку на прекрасную долину Заравшана. Уже в V веке н. э. хайталы — номады иранского происхождения — держали в своих руках область древнего Согда. Во второй половине VI века место кочевых иранцев занимают турецкие племена, которые, по выражению академика В. В. Бартольда, образовали самую обширную из существовавших до тех пор кочевых империй, простиравшуюся от границ Китая до границ Персии

¹⁾ „Кандия“, в переводе В. Л. Вяткина, стр. 238. (Справочная книжка Самаркандской области. Выпуск VII).

²⁾ Вопросы, прекрасно разработанные в разных трудах ак. В. В. Бартольдом.

и Византии. В этот период и завязались, по всей вероятности, прочные торговые связи с Китаем.

Последующие столетия вплоть до конца X века Мавераннахр (так называли тогда Туркестан арабы) находился в зависимости от мусульманских правителей, сначала Дамаска, потом Багдада и, наконец, Бухары, которая была столицей Саманидского государства. Однако, вновь ставшая активной в X веке, степь постепенно продвигается на запад, и в 999 г. идущая с северо-востока волна степняков захватывает Самарканд и Бухару. С тех пор Мавераннахр, а следовательно, и долина Заравшана надолго в руках степных правителей. Сначала Караханиды (X—XII в.в.), потом Кара-Китай (XII—XIII в.в.) определяли курс политической и отчасти хозяйственной жизни Мавераннахра и Самарканда. Время это не было упадком для материальной и духовной культуры страны. Экономическая и социальная жизнь продолжают развиваться в том же направлении, что и при Саманидах. Караванная торговля не замирает, а даже растет. Самарканд, как и другие города Средней Азии, переживает расцвет. За это время город еще дальше продвигается на юг, перенося свою торговую жизнь в места, на которых она совершается и в наши дни. „Рабат“ (предместье) становится жизнеспособнее старого шахристана (ныне развалины Афросиаба). Ремесло и торговля притягивают к себе большее количество людей, чем старый административный центр. И на новом месте, где по узким улицам движется конная и пешая толпа, формируется тот тип города, который и сохранился, пройдя века, до нашего времени. С разных сторон тянутся эти улицы, по бокам которых расположены лавки, к главному базару, т. е. чарсу. Это крытый куполом рынок, в котором и сходятся главные торговые пути города. Одним словом, рядом с умирающим шахристаном (Афросиаб) вырисовывается топографический облик средневекового восточного города. Но степь не образовала прочного государственного единства. И не централизованная империя, а система уделов была государственной формой этой эпохи. Начало XIII века в глазах современников должно было произвести впечатление полной катастрофы. На смену турецким кочевым группам пришли монголы, известные под именем татар. Зимой 1220 г. взята Бухара, а через месяц и Самарканд. По словам китайского путешественника Чань-Чуня, побывавшего в Самарканде вскоре после монгольского нашествия, в городе осталась только четвертая часть населения.

Вопреки прежнему мнению (неверному) — не систематическое уничтожение культуры, а погром, подчас жестокий и ужасный, принесли монголы с собой. Да иначе и быть не могло. Степняки (в лице своих вождей) прекрасно понимали, какая огромная ценность для них в соседней культурной полосе. Туда можно не только сбывать скот, шерсть, кожи, коней, но и получать оттуда хлеб, а также продукцию высокой городской промышленности. И понятно, что Чингиз-хан (вождь и выразитель активной силы кочевников) вскоре после погрома, который считался необходимым для укрепления власти, делает все, чтобы культурная жизнь не прерывалась и без перебоев шла по тому же руслу, что и раньше. Согласно

установившемуся взгляду — завоеванные местности есть источник дохода, который нужно беречь, а не потрясать грубыми формами эксплуатации. Не имея навыков к управлению культурной городской полосой, монголы поручают власть над Мавераннахром сначала Махмуд Ялавачу, а потом его сыну Мас'уд-беку — типичным представителям мусульманской торговли и культуры. И любопытно, что власть в их руках и их потомков продержалась почти три четверти века.

Но создав величайшее по обширности своих территорий государство, татары только тонким слоем легли на поверхность завоеванных земель, ибо основная масса народа осталась на родине в Монголии. Нет никаких оснований думать, что движение монголов возникло в результате колонизационной потребности. Едва ли у них чувствовалась властная необходимость в новых землях для кочевий. И не степи (их было тогда достаточно), а культурная полоса оседлой и городской жизни своими богатствами манила кочевников. В сравнительно короткий срок перейдя от грабежей и ужасных погромов на мирный уклад, монголы не только не нарушили хозяйственной жизни мусульманских стран, а даже содействовали ее развитию, ибо, объединив в одних руках ряд враждовавших между собой государств, облегчили товарообмен, идущий, как и прежде, караванным путем. В этом отношении характерным примером может служить Персия, которая, хотя и очень пострадала в период борьбы, однако быстро оправилась и завела деятельные сношения с Индией и Китаем, оживив пути мировой торговли, соединяющие западный берег Азии с Дальним Востоком. По старым дорогам вновь потянулись люди, товары, а вместе с ними идеи, художественные вкусы и технические навыки. Как и всегда, оживление хозяйственной жизни сопровождалось подъемом духовной культуры, и не случайно в этот период Персия является местом, где вновь расцветает мусульманская наука и мусульманское искусство, преимущественно архитектура, образцы которой свидетельствуют о высоких вкусах и тонком мастерстве далекой эпохи.

Несколько иначе сложилась обстановка в Туркестане. Хотя и здесь хозяйственная жизнь, особенно торговая, продолжает развиваться, однако больше чувствуется влияние степи. Трудно примирить два мира. Слишком различны интересы кочевников и оседлых жителей. И там, где мусульманские города непосредственно входили в полосу степей (в низовьях Сыр-Дарьи, в долине реки Чу и к северу от реки Или), там через несколько десятилетий после нашествия, к середине XIII века, можно наблюдать не только заморание, но и исчезновение ряда городов, которые еще пятьдесят лет назад жили полной жизнью. Самарканда это не коснулось, ибо у него не было непосредственного соседства со степью, и жизнь его в большей мере обуславливалась соображениями высшей монгольской политики, чем ежедневным соприкосновением с самими кочевниками. А Чингиз-хан и его преемники, как мы видели, были настолько дальновидны, чтобы понимать, что уничтожение культурной полосы кроме вреда ничего не принесет.

От Чингиз-хана до Тимура в жизни Туркестана ряд перемен. Удел Джагатай, орда которого была в Семиречье, на реке Или,

включила в сферу своей власти и богатую культурную область Мавераннахра. Являя собой (несмотря на те часы смуты) сильный политический организм, удел этот известен с начала XIV века под именем Джагатайского государства. Постоянное общение его кочевых элементов с городским населением медленно, но верно приобщает степняков к мусульманской культуре. И характерно, что уже во второй половине XIII века появляются ханы, которые бросают степь, переселяются в Мавераннахр и принимают ислам. Но процесс разрыва со степью и переход в культурную обстановку городской полосы не может пройти безболезненно. Кочевая аристократия, богатая и властная, делает все, чтобы приостановить опасное для нее переселение.

Временно задержанный, процесс этот в двадцатых годах XIV в. возобновляется с новой силой, и с 1318 г. начинаются попытки решительного разрыва со степью. Хан Кебек (1318—1326), хотя и оставался язычником, однако поселился в долине Кашка-Дарьи и, по словам ак. В. В. Бартольда, „в двух фарсах от города Нахшеба или Несефа выстроил для себя дворец, от которого получил свое нынешнее название город Карши“ (Карши по-монгольски — дворец). Однако нужны еще десятилетия, чтобы бросивший степь хан мог быть уверен в прочности своего положения. В обстановке степной жизни недолго ждать, когда главарь какого-нибудь аристократического рода (Арлат, Джалаир, Каучин, Барлас) поведет решительную кампанию против хана, прикрываясь защитой кочевых традиций. И что особенно интересно, восставший и победивший эмир или бей тотчас же после захвата власти почти целиком повторит программу своего предшественника, т. е. порвет со степью, перейдет в город, построит крепость, пока и против себя не вызовет протеста со стороны степной аристократии.

II

Т И М У Р

Не каждое десятилетие приносит с собой людей, к которым бы так приковывалось внимание современников, как к личности Тимура, известного в широких кругах под именем Тамерлана. Не будет ошибкой сказать, что на грани XIV и XV в.в. фигура Тимура заслоняет собой все яркое в сфере мировой политики. Но не полнота характеристики, где анализ объективных условий должен помочь выявлению и оценке личных свойств политического деятеля, а несколько штрихов, которые могут дать образ живого человека, составляет нашу задачу. — Как всегда, говоря о личности, хочется иметь зрительный образ, видеть лицо, дабы поближе подойти к интересующему нас человеку. В данном случае мы в безнадежном положении.

Рюи Гонзалес де Клавихо ¹⁾, кастильский посол, имя которого часто будет мелькать в нашей статье, в понедельник 8 сентября 1404 г.

¹⁾ Клавихо. „Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд“, в переводе И. И. Срезневского 1881 г.

в саду „Баг и Диль-Кушо“ был представлен правителю величайшего из государств. Но, к сожалению, в своем знаменитом дневнике портрету Тимура он посвятил только три строчки. „Царь сказал, чтобы они (кастильские послы) подвинулись поближе для того, чтобы рассмотреть их хорошенько, потому что он нехорошо видел и был уже так стар, что почти не мог поднять веки“.

Более подробный образ Тимура дает Ибн-Араб-Шах, который был в Самарканде и, следовательно, мог видеть великого правителя. Но его слова о высоком росте, широких плечах, белом лбе, громком голосе могут и не вполне соответствовать действительности, ибо он видел Тимура только мальчиком в возрасте 13—14 лет ¹⁾ и многое мог воспринять сквозь призму детской психологии.

Было бы соблазнительно в сохранившихся миниатюрных изображениях найти портретное сходство, однако оснований для этого нет и они ничего общего с лицом Тимура не имеют. Но если Клавихо и не дал нам портрета, то биографические сведения, которые со слов современников он сообщает, составляют столь ценный материал, что при сопоставлении с другими данными мы можем проследить главные этапы того головокружительного успеха, который выпал на долю величайшего из политических авантюристов.

Следуя его рассказу, Тимур был сыном знатного, но не богатого чагатая, жившего в одном из селений поблизости от города Кеша (Шахрисябза). Храбрый воин и нескупой на добычу, он, обладая четырьмя или пятью конными слугами, начал свою политическую карьеру с мелкого грабежа. Где отнимет барана, а где и корову. Удача не покидает его, и вскоре в его распоряжении около 300 всадников, готовых на все.

С таким числом вооруженных людей можно расширить грабей и перенести деятельность на большую дорогу, что он и делает. Теперь он грабит купцов и их караваны. Вскоре он попадает ко двору „самаркандского царя“, откуда вынужден бежать, и вновь продолжает свои грабительские набеги, расширяя все более и более их масштаб. С 500 всадников он делает большой набег на Сеистан, богатый стадами. Здесь грабит баранов и лошадей. „В это время пришли сеистанцы (сеистанцы), бросились на него и его людей и многих убили, а его свалили с лошади, ранили его в правую ногу, от чего он остался хромым, также в правую руку, от чего лишился двух маленьких пальцев, и оставили его, считая мертвым. Он поднялся как мог и добрался до палаток каких-то людей, которые кочевали в поле. Оттуда он после ушел, вылечился и снова стал собирать своих людей“.

Возвратившись в окрестности Самарканда и пользуясь враждой, которую питали подданные к своему „царю“, он подготовил на него нападение, разбил его, угнал в горы и, вскоре захватив, убил. „Потом он пошел на город Самарканд, взял его, сделался в нем царем и женился на жене царя. И теперь она считается его главной женой и называется Каньо, т. е. великая царица или великая императрица“. Таков рассказ кастильского посла. Если теперь принять во внимание сведения, которые находятся в „Зафар-намэ“

¹⁾ Когда Ибн-Араб-Шаху было 15 — 16 л., Тимур уже умер.

(„Книга о победах“) Шереф-ад-дина аль-Язди (официальная история Тимура) и у Ибн-Араб-Шаха, то картина станет полнее и многое прояснится. Благодаря „Зафар-намэ“ мы узнали, что отца Тимура звали Тарагай, а мать Текина-Хатун, что семья принадлежала к знатному роду Барласов, владевших долиной реки Кашка-Дарьи, что родился Тимур 25 ша'бана 736 г. хиджры, т. е. 9 апреля 1336 г. нашей эры. А Ибн-Араб-Шах даже указывает место рождения — селение Хаджи-Ильгар, что вблизи от города Кеша. Следуя тому же Зафар-намэ, Тарагай (отец Тимура) был благочестивым мусульманином, любил возвращаться в обществе дервишей, которых было так много тогда в Туркестане. Умер он в 1360 г. и похоронен Тимуром в городе Кеше. „Самаркандского царя“, о котором несколько раз говорит Клавихо, звали Хусейном.

С ним и находился то в дружеских, то во враждебных отношениях Тимур, в то важное десятилетие (1360—1370 г.), когда решалась его судьба. Не раз вместе совершал он и грабительские набеги. И не всегда удачи были их уделом. Однажды оба они были взяты в плен на реке Мургабе и 62 дня провели пленниками в окрестностях Мерва, в селении Махан. Вместе совершали и тот набег, о котором подробно рассказывает кастильский посол. Одно время отношения стали столь близки, что Тимур женился на сестре Хусейна Улджай-Туркан-Ага. Но верность не была его характерной чертой, и не раз он заключал союз с врагами, дабы нанести удар своему эмиру. И так до 1370 г., когда он окончательно покидает Хусейна, чтобы убить его и захватить государство в свои руки.

Не сразу удалось Тимуру укрепить свою власть, по крайней мере еще шесть лет пройдет, прежде чем он почувствует себя сильным и не будет бояться восстаний со стороны таких же авантюристов, как и он сам. В дальнейшем у него почти нет неудач, и шаг за шагом разворачивает он ряд таких походов, в итоге которых становится владыкой крупнейшего из государств. В нем оказалось достаточно таланта, чтобы уметь разбираться в сложных условиях окружающей политической обстановки. Нет сомнения, ему сопутствуют благоприятно сложившиеся объективные условия.

В эпохи, когда потребности торгового обмена между странами растут, а дороги, по которым совершается товарообмен, неспокойны в силу отсутствия устойчивого политического порядка и частых войн между отдельными государствами, тогда энергичному народу, руководимому талантливым вождем, не только легко нанести удары враждующим лагерям, но и объединить всех под одной властью, создав обширную империю. И это тем легче будет сделать, чем больше торгово-промышленные слои населения будут нуждаться в устойчивом порядке и сквозных торговых путях, по которым спокойно могут двигаться караваны. В таких благоприятных условиях и начала разворачиваться кипучая энергия Сахиб Кырана (обладателя счастливой звезды), как именует Тимура официальный историк Шереф-ад-дин аль-Язди в „Зафар-намэ“ („Книга о победах“).

Но выгодно сложившихся условий мало, нужны личные качества, чтобы стать правителем обширных земель. И таковые у Тимура

нашлись. Не порвав в своей частной жизни с привычками степняка, Тимур проявил зоркий глаз опытного государственного деятеля, который воспитывается только в городах. Будучи неграмотным, он прекрасно говорил по-персидски, что давало ему возможность вести беседу со многими образованными людьми того времени. Умный и с хорошей памятью, он легко схватывал и запоминал слышанное. И не раз поражал он своих собеседников обширностью и разнообразием познаний. Обладая сведениями в медицине и астрономии, он однако лучше ориентировался в вопросах богословских и исторических. Знаменитый историк Ибн-Халдун, беседуя с ним, вынес впечатление, что имеет дело с лицом, хорошо знающим прошлое мусульманских стран. Но не ученый и богослов, а политик, вот что прежде всего характеризует Тимура. Политика, где все средства хороши, чтобы удовлетворить ненасытные властолюбивые замыслы, есть то центральное место в его психике, вокруг которого и будет вращаться полная кипучей энергии жизнь этого человека. А насколько он таков, можно судить по богатому количеству примеров. Академик В. В. Бартольд, давший нам в своем „Улугбеке“ прекрасную главу о Тимуре и лучше других осветивший основные свойства его характера, говорит: „Тот же Тимур, который в Сирии выступал защитником Алиа и его потомков, вследствие чего сирийцы считали его ревностным шипитом, в Хорасане восстановил суннитское правоверие, в Мазандеране наказывал шиитских дервишей за оскорбление памяти спутников пророка“.

Нет сомнения, что знание религиозных толков, умение разбираться в богословских вопросах он употребляет не для отыскания той или иной религиозной истины, а для чисто политических целей. Ему, как политику, выгодно ослаблять суннитов, где они сильны, поднимать шиитов, где они слабы, и наоборот.

Не имея особого вкуса к благочестию, он однако проводит время среди шейхов и сеидов, прислушивается к их голосу и считается с их мнением. Известен рассказ о его близости с термесским шейхом Береке, тело которого было, по всей вероятности, при благочестивом Шахрухе перевезено в Самарканд и погребено рядом с Тимуром в мавзолее Гур-Эмир. И это происходит потому, что не в расчете Тимура ссориться с группой, которая имела в те времена в Туркестане колоссальное влияние на массы. Его душевные симпатии были, однако, не на стороне шейхов и сеидов, а среди его военных соратников. Сюда и направлялись его интересы. Степняк по своим привычкам и вкусам, он до мозга костей был пропитан духом военных доблестей и, по признанию современников, был смелым воином. Своих соплеменников чагатаев он поставил в особые привилегированные условия. „Они могут ходить везде, — говорит Клавиho, — где хотят, со своими стадами, пасти их, сеять и жать, где хотят, и зимой, и летом. Они свободны и не платят податей царю, потому что служат на войне, когда он их призывает“.

Вождь, которому не дают покоя заманчивые перспективы походов и военных грабежей, он должен много внимания отдавать войску, что он и делал. Он старался увеличить армию, насколько позволяют государственные средства, и, согласно Ибн-Араб-Шаху, в списках числится до 800.000 человек. И любопытно одно. Несмотря

на то, что вся масса монголов, живших на территории Мавераннахра, была уже мусульманская, войско не только пропитано старыми монгольскими традициями, но и наружно связано с прошлым. У всех солдат на головах косы, что противоречило тогда представлению о мусульманах.

Но тонкий, умный политик и смелый вождь сочетались в нем с редким коварством и жестокостью, часто ничем не оправдываемыми. Проезжая из Дамгана в Нишапур, Клавихо увидел, что „вне города на расстоянии выстрела стояли две башни такой высоты, насколько можно бросить вверх камень. Они были сделаны из грязи и человеческих черепов. Тут же были и еще другие две башни, уже развалившиеся. Эти башни, сложенные из черепов, остались от племени, которое называлось Белые Татары“.

На поверхности души человек городской культуры, в глубине же степняк и язычник, он и к женщине относился иначе, чем то предписывает ислам его времени. Достаточно последовать за Клавихо в его описаниях домашней жизни Тимура, и легко убедиться, что положение его жен, сравнительно с другими мусульманскими женщинами, было положением свободных людей. Наравне с мужчинами присутствуют они на пирах, пьют, наслаждаются представлениями, ведут беседу, сами устраивают пиры, на которые приходит придворный мир.

Носитель редкой по своему богатству энергии, Тимур непрестанно жил мыслями и планами какого-нибудь крупного предприятия. И не всегда это была разрушительная работа. Ему не в меньшей мере была знакома страсть созидającego творчества. Достаточно, как это мы увидим ниже, заглянуть в его столицу — Самарканд, чтобы поразиться кипучей энергии по украшению города и его окрестностей. Но не одна только стройка говорит об этой созидательной деятельности. На огромных пространствах завоеванных мусульманских стран раскинуты его оросительные работы, прямой целью которых было поднять благосостояние обширных местностей. Не порвав окончательно со степью, он уже настолько осознал значение оседлой культурной жизни, что смог развернуть полезную для оседлых народов „программу“.

Такова, в самых общих чертах, сложная, полная противоречий, но объединенная в себе самой твердой волей, личность Тимура.

III

Г О Р О Д

Овладев властью, Тимур полюбил Самарканд и решил сделать его столицей своего обширного государства. Всматриваясь внимательно в жизнь города, Клавихо мог убедиться, какую крупную роль играл он в торговых оборотах на путях тогдашней мировой торговли. Велико количество разных товаров, ввозимых и провозимых через него. „Из Румии и Татарии, — пишет он, — приходят кожи и полотна, из Китая шелковые ткани, которые в этой стране приготавливаются всего лучше, особенно атласы, считающиеся луч-

шими в мире. Кроме того привозится мускус, которого нет нигде на свете, кроме Китая, рубины и брильянты... жемчуг и много всяких пряностей. То, что идет в этот город из Китая, дороже и лучше всего, что привозят из других стран... Из Индии в этот город идут мелкие пряности, т. е. самый лучший сорт, — мускатные орехи, гвоздика, мускатный цвет, корица, инбирь, цвет корицы, манна и разные другие (продукты), которые не отправляются в Александрию". — Но Самарканд является не только транзитным пунктом, где в руках состоятельных классов, принимающих деятельное участие в караванной торговле, остается большое количество указанной продукции, в нем развита и промышленность. Шелковые ткани, атлас, сендаль, тафта и терсеналь производятся в большом количестве в местных мастерских. Из указанных тканей шьется платье „в подкладках из меха и шелка". Вырабатываются, наконец, краски лазоревые и золотые и неупомянутая почему-то у Клавихо хлопчатая бумага, завоевавшая себе почти мировой рынок.

Правнук Тимура, султан Бабур, владевший в конце XV века огромными землями от Самарканда до Инда, в своем „Бабур-намэ", описывая наш город, говорит, что в нем выделяется лучшая в мире бумага, особенно сорт „джуваз", который обрабатывается на толчее. Его рассказ представляет ценность главным образом потому, что точно указывает и место производства „на берегу ручья Сиаба, иначе называемого Аби-Рахмат". На ряду с бумагой Бабур указывает на „малиновый бархат, вывозимый во все страны". Все взятое вместе подчеркивает ту торгово-промышленную силу, которую заключал в себе наш город. И это понятно, ибо „земля, — продолжает Клавихо, — богата всем: и хлебом, и вином, и плодами, и птицами, и разным мясом... Хлеб так дешев, как нельзя больше, а рису просто нет конца. Так изобилен и богат наш город и земля, окружающая его, что нельзя не удивляться!" Прекрасно сознавая значение Самарканда, Тимур все делает для того, чтобы возвысить, украсить его. Уходя в далекие походы, завоевывая культурные города Хорасана, Фарса, Ирана, Сирии, и т. д., Тимур привозит оттуда людей, знающих тот или иной вид труда. „Из Дамаска привез он всяких мастеров, каких только мог найти. Таких, которые ткut разные шелковые ткани, таких, что делают луки для стрельбы и разное вооружение, таких, что обрабатывают стекло и глину, которые у них самые лучшие во всем свете. Из Турции привез он стрелков и других ремесленников, каких мог найти: каменщиков, золотых дел мастеров, сколько их нашлось. И столько их привез, что каких угодно мастеров и ремесленников можно найти в этом городе. Кроме того он привез инженеров и бомбардиров и тех, которые делают веревки для машин. Они посадили коноплю и лен, которых до сих пор не было в той земле. Столько всякого народу со всех земель собрал он в этот город, как мужчин, так и женщин, что всего, говорят, было больше полутораста тысяч человек". Среди них были и турки, и арабы, и христиане разных национальностей, и „этого народу было столько, что он не мог поместиться ни в городе, ни на площадях, ни на улицах, ни в семьях. И даже вне города под деревьями, и в пещерах его было удивительно как много".

И не напрасно направлялись в Самарканд со всех концов тогдашнего культурного мира те технические силы, о которых так подробно говорит Клавихо. Еще за несколько лет до того, как начались его завоевания, вскоре после захвата власти в 1370 г. Тимур обносит город высокой стеной, а в юго-западном углу его строит цитадель, западная стена которой есть вместе с тем часть западной стены города. Несколько кратких, но образных строк у Клавихо дают возможность представить это важное и интересное место. „В конце города стоит замок, с внешней стороны как будто на плоском пространстве, но окруженный очень глубоким ровом, который образуется ручьем, и от этого рва замок делается неприступным. В нем царь хранил свою казну, и туда не входил никто, кроме алькада ¹⁾ и его людей. В этом же замке царь держал около тысячи пленных мастеров, которые делали латы, шлемы, луки и стрелы и круглый год работали для него“. Хотя сам Тимур и не жил в цитадели, однако жизнь в ней кипела. Здесь находились правительственные здания. Здесь стояли красивые дворцы и дома крупных сановников. Здесь, наконец, по словам автора Бабур-намэ, „Тимур бек построил громадный в четыре этажа дворец, известный под именем „Кук-Сарая“. Здание это чрезвычайной высоты“. В нем, по всей видимости, и хранилась обширная казна Тимура. В год пребывания Клавихо в Самарканде жители города могли наблюдать редкое зрелище.

После семилетнего перерыва Тимур „вступил в него с таким торжеством и веселием, что на удивление. Он приказал нести перед собой все оружие, которое сработали пленники после того, как он уехал из города. В числе того оружия несли три тысячи пар лат, украшенных красным сукном, очень хорошо сделанных... Потом несли перед ним много шлемов, и он в этот день поделил и роздал эти шлемы и латы рыцарям и разным другим особам“.

В восточной стене цитадели находились ворота, соединявшие ее кварталы с остальным городом, который и раскинулся в направлении к северо-востоку, в сторону уже известного нам Афросиаба (развалины до-монгольского Самарканда, откуда на юг и рос город). Окруженный стеной, он в эпоху Тимура имел шесть ворот. По северной стене (на северо-запад) находились ворота Шейх-задэ, по той же стене (на северо-восток) ворота Аханин (железные) рядом с мазаром Кусамы ибн Аббаса, который известен под именем Шах и Зиндэ (живой царь). На востоке находились ворота Фирюза (бирюзовые). По западной стене (в юго-западном углу) были ворота Чаар-су, около которых и был один из городских базаров. На юге были ворота Сузангарон и Кариз-гох.

В пределах этой стены и находился город в узком смысле слова, однако за первой стеной (Тимуровской) лежало громадное пространство земли, занятой под сады, виноградники, селения; в свою очередь оно окружено было древним высоким валом, остатки которого сохранились до сего дня и который известен под именем „Дивар-и-Кыямат“ (стены страшного суда). Расстояние между двумя центрами стен определялось в разных точках от двух до четырех верст.

¹⁾ Арабское аль кади — судья.

Сопоставляя рассказ Клавихо с теми впечатлениями, которые получает путешественник наших дней от современного Самарканда, можно сказать, что тогда, как и теперь, город с его предместьями был весь в зелени. Сады, виноградники, арыки, полные проточной воды, глинобитные дувалы, улицы, с оживленной идущей и едущей толпой, опять сады и арыки и над всем — бирюзовое небо и яркое, горячее солнце. По городу проходят улицы, идущие с разных сторон к его центральной части, где и расположен крытый куполом рынок так наз. Чаар-су. Впоследствии при внуке Тимура, Улугбеке, здесь возведена одна из великолепных построек — „Медресэ Мирза Улугбек“, стоящая и поныне напротив другой — „Медресэ Шир-дар“. Площадь эта получила затем сохранившееся до наших дней имя „Регистан“.

К сожалению, Клавихо не дает топографии города, а ограничивается только общим описанием. „В городе есть много площадей, — пишет он, — где продают мясо... кур и птиц... также хлеб и плоды, все в большой чистоте... эти площади и днем, и ночью полны, и на них идет постоянно большая торговля“. Однако положение не безнадежно, и топография Самарканда первой четверти XVI в. (эпоха первых Шейбанидов), выясненная В. А. Вяткиным на основании вакуфных документов, дает право думать, что в основных линиях (за столетие с небольшим, которое отделяет Шейбанидов от Тимура), город остался тем же, тем более, что и сейчас по сравнению с XVI в. он мало изменился.

Итак, в центре города находился Чаар-су, от которого на северо-восток, в сторону соборной мечети (так наз. Биби-Ханым) и дальше до ворот Ахану расположился главный базар, который одновременно является большой оживленной улицей-дорогой (типичная черта средневекового восточного города). По всей вероятности, это есть та самая улица-дорога, о которой Клавихо в своем дневнике рассказывал следующее. В город свозится из разных стран много товаров, и так как места для правильно организованной торговли мало, то Тимур приказал провести в спешном порядке улицу из одного конца города в другой. Бесперывными сменами, день и ночь работали люди и в назначенный срок выполнили задачу. „Улицу провели широкую, и по обеим сторонам поставили палатки; перед каждой палаткой были высокие скамейки, покрытые белыми камнями. Все палатки были двойные, а сверху вся улица была покрыта сводом с окошками, в которые проходил свет. Как только оканчивалась работа в палатках, тотчас же помещали в них торговцев, которые продавали в них разные вещи. В некоторых расстояниях на улице устроены были водоемы“.

Любопытно сопоставить с этим рассказом следующие слова „Бабур-намэ“: „Самарканд удивительно красивый город. Он имеет одну особенность, которую можно встретить в немногих городах: каждый род торговли и промышленности производится в особых рядах, а не смешанно. Прекрасный обычай“.

Невольно вспоминаешь Исфаган в начале нового времени, когда он из конца в конец прорезывался длинной улицей — базаром — сводчатый потолок которой пропускал свет через особые, сделанные для этого, окошки.

Не напрасно направлял Тимур мастеров и инженеров из наиболее культурных центров Персии в столицу Мавераннахра. В своих заботах о красоте и величии города он превзошел те образцы, которым собирался подражать. Как уже выше отмечено, Самарканд, лежащий на краю мусульманского культурного мира, большую часть своих образцов получал с запада, от общения с рядом персидских городов, как Тебриз, Султания, Исфаган, Шираз и т. д. Особенно нужно сказать это о строительном мастерстве, которое с таким блеском развернул Тимур. В самом городе с его именем связаны несколько замечательных построек, которые до сего дня считаются среди лучших на мусульманском Востоке.

Три из них великолепием форм и яркостью красок поражают сознание каждого, кто проведет в столице Тимура хотя бы несколько дней. Мы имеем в виду соборную мечеть, известную под именем Биби-Ханым, законченную постройкой в 806 г. хиджры (1403 г. н. э.), группу мазаров, объединенных в одно целое под названием „Шах и Зиндэ“, что значит „Живой царь“, и наконец мавзолеей, где похоронен Тимур, т. н. Гур-эмир. Шереф-ад-дин аль-Язди в своем „Зафар-намэ“ („Книга о победах“) в следующих словах описывает самаркандскую соборную мечеть (Биби-Ханым).

„В воскресенье 4 числа, месяца Рамадана, 801 г., который соответствует 4 году Зайца ¹⁾, когда луна, бывшая в созвездии Льва, отвернулась от шестиугольника Солнца и соединилась с шестиугольником планеты Венеры, искусные инженеры и опытные в познаниях мастера, в час, счастливый и удобный для предсказания по звездам, положили основание постройке. Исполнители работ и проворнорукие мастера, каждый из которых был лучшим в стране и единственным в государстве, обнаружили высокие свойства ловкости и умения в укреплении устоев и возведении фундамента (здания). Двести человек каменотесов из Азербейджана, Фарса, Индостана и других стран работали в самой мечети, а 500 человек в горах упорно трудились над обтесыванием камня и отправкой его в город. Артели мастеров и ремесленников, собравшись со всех концов мира к подножью трона (Тимура), прилагали каждый, насколько мог, в своей области тщательное старание. Для сосредоточения материалов, 95 гороподобных слонов доставлены были из стран Индии в Самарканд и пущены в дело. С помощью телег, запряженных волами, и большого числа людей волокли они огромные камни...“

Смотреть за работами по постройке мечети Тимур поручил царевичам и эмирам. Полные усердия, они ни на минуту не прерывали работ, чтобы не было замедления. Сам же Сахиб Кыран (обладатель счастливой звезды) большую часть времени проводил по соседству с постройкой в медресэ Ханым и ханаке Туман-ага, лично следя за ходом работ. Но, поглощенный ими, он не забывал управлять страной. Готовая, мечеть поражала сознание современников, и упомянутый автор продолжает. „Было воздвигнуто 480 колонн, обтесанных из камня, каждая из которых имела в длину семь гязов. Высокий потолок и прекрасный пол ее (мечети) весь

¹⁾ По так называемому животному циклу.

сложен из каменных обтесанных плит, так что высота (от пола) до потолка равна девяти гязам.

Если ты ищешь сравнения для арки и купола ее макуры, ничего нельзя сказать кроме как — млечный путь и небесный свод.

Купол был бы единственным, если бы небо не было его повторением, и единственной была бы арка, если бы млечный путь не оказался ей парой.

В каждой стене, в углу ее четырехугольника из стен, минарет вознес свою главу в сторону неба, и возглас „поистине дела наши указывают на нас“ доходит до четырех стран света.

Звук огромных врат ее, составленных из сплава семи металлов, призывает молящихся семи климатов в дом ислама. Стены ее, снаружи и внутри, а также поверхности арок, нашли украшение в высеченных из камня письменах. Блеск от сияния букв и слов суры „Пещера“ и других чудесных стихов Корана на стенах ее¹⁾.

О мечети Биби-Ханым говорит и Клавихо. Читая, спускаешься с вершин пышных фраз в атмосферу обыденной речи, от образа переходишь к действительности. И открывается таким образом обратная сторона медали. „Когда она была окончена, царь остался недоволен передней стеной, которая была слишком низка, и приказал ее сломать²⁾“, и чтобы дело шло скорее, царь сказал, что берется наблюдать за одной частью, а приближенным своим приказал взять на себя присмотр за другой половиной, чтобы увидеть, кто скорее приготовит свою часть. В это время царь был уже болен и не мог двигаться ни пешком, ни верхом, а только в носилках, и оставался там часть дня, торопя работой. Потом он приказывал приносить туда вареного мяса и бросать его тем, которые работали в яме, точно как собакам. Иногда он сам своими руками бросал мясо и так возбуждал рабочих, что на удивление; иногда же приказывал бросать в ямы даже деньги. За этой постройкой также работали день и ночь“.

Так шли работы по постройке знаменитой самаркандской соборной мечети (Биби-Ханым).

В первой половине XII века на арабском языке появился труд под заглавием „Аль канд фи та'рихи Самарканд“ („Сахарная книга по истории Самарканда“) или просто „Кандия“, который дошел до нас только в поздней сокращенной и измененной редакции на персидском языке. В главе „Описание самаркандских мазаров“ сказано: ³⁾ „Следует знать, что после гробницы великой, благоухающей, пресветлой пророка (Мухаммеда) нет места поклонения выше мазара царевича Кусамы ибн Аббаса, потому что он двоюродный брат пророка. Он последним из людей видел лицо хаджи мира (пророка). Каждый желающий поклониться, должен совершить полное омовение. Затем пусть он войдет со стороны Железных ворот⁴⁾, войдет в середину между двумя полотнищами ворот и там, где мечеть с катакомбой Мухаммеда сына Васы и место

¹⁾ Перевод отрывка мой. А. Я.

²⁾ Об этом пишет и Шереф-ад-дин аль-Язиди.

³⁾ „Кандия“, перевод В. Л. Вяткина. Самарканд, 1905 г., стр. 260.

⁴⁾ В XII веке никаких „Железных ворот“ в этом месте быть не могло. Это поздняя вставка персидской редакции. А. Я.

нахождения исламских знамен, пусть совершит два ра'ата намаза и попросит о своих нуждах. Когда выйдет из катакомбы наружу, пусть остановится под знаменем, обратит лицо к „кыбле“, прочтет „фатиху“, произнесет „бог велик“ и доброжелательную молитву ради погребенных в той местности. Затем попросит о своих нуждах. Всегда желание его, заступничеством тех чистых и благодатью того места, исполнится. Пусть подаст милостыню, сколько может. Затем пусть направится к месту упокоения царевича Кусамы ибн Аббаса и войдет с величайшим уважением в то благодатное помещение.

По достижении каждой ступени, он должен поцеловать ее или дотронуться правой рукой до ступени и обтереть рукой лицо. Ради уважения к похороненным в этом месте, все из правителей мусульманских, пусть он приложит главу к порогам (усыпальниц) их, в надежде на заступничество их. После того пусть войдет в мечеть царевича Кусамы, исполнить два ра'ата намаза для приветствия мечети и откроет дверь, но замедлит вход в усыпальницу, опустится лицом наземь, не будет свободен от рыданий, принесет раскаяние и покаяние в прежних грехах...“ Итак, место это, находящееся в северо-восточной окраине города, в пределах Афросиабова городища, уже задолго до Тимура привлекало к себе сердца правоверных. И столь благословенным считалось это место, что согласно „Кандии“ правители Самарканда желали быть здесь похороненными. Вполне понятно, что Тимур, став правителем Мавераннахра, не раз совершал зиарат (поклонение) на могиле Кусамы ибн Аббаса. И в дни его правления место это было перестроено.

Лет 90 назад Абу Тахир Ходжа в своей „Самарии“ — книге, посвященной описанию памятников Самарканда — писал: „Скромные и целомудренные жены и сестры эмира Тимура и некоторые из эмиров выразили волю быть похороненными у порога этого места, охраняемого ангелами, и возвели здесь большие здания, так что лазурные небеса открыли любующийся взор на лицо времени — они не видели столь украшенных и нарядных зданий; так что бирюзовый небесный купол открыл очи — луну и солнце. Он не любовался такого цвета эмалевыми изразцами“ ¹⁾.

И действительно, при Тимуре около мазара Кусамы ибн Аббаса, построенного ²⁾, как об этом гласит надпись, в 735 г. хиджры, следовательно на несколько десятилетий раньше Тимура, образуется группа мавзолеев, объединенных в одно целое и носящая в наши дни общее имя Шах и Зиндэ. Описание этих изумительных построек не входит в нашу задачу, почему мы и ограничимся общими указаниями чисто топографического характера. Шах и Зиндэ представляет в настоящее время группу построек, прорезанных в направлении с юга на север длинным ступенчатым коридором. В самом конце прохода в северной части находится площадка, „обставленная с трех сторон куполообразными зданиями“. В западной части площадки расположен мавзолей Туман-аги жены Тимура,

¹⁾ „Самария“ Абу Тахир Ходжи. Перевод В. Л. Вяткина, стр. 20.

²⁾ Несомненно, что это здание не то, которое описывает незадолго перед тем арабский путешественник Ибн Батута.

которая, как гласит надпись, была дочерью эмира Мусы. С восточной стороны к площадке примыкает мавзолей Кутлук-аги, также жены Тимура Гурагана. В северной части был расположен мавзолей Ахмада-Хаджи. Несколько ниже по проходу, в южном от площадки направлении, по западной стороне построены две смежные усыпальницы. Одна для Эмир-задэ (дата 799 г.), а другая для Тюркан-аги, сестры Тимура. Напротив по восточной стороне усыпальница для другой сестры Тимура Ширин-бек-аги, законченная в 767 г., а рядом мавзолей эмира Хусейна с датой 777 года.

IV

ЗАГОРОДНЫЕ САДЫ

Лелея мечту о создании величайшего в мире государства, которое бы объединило все восточные страны в одно неразрывное целое, Тимур и Самарканд представлял, как город мирового значения, как царственную столицу. Среди остальных он первый, и нет ему равного. Он как рубин в центре короны, который окружен прекрасными, но не столь яркими камнями. Чтобы придать этой идее конкретное выражение, Тимур окружает Самарканд селениями, награждая их именами наиболее важных городов мусульманского мира.

Ибн-Араб-Шах в своем труде о Тимуре говорит, что последний построил в окрестностях города селения Миср (Каир), Димишк (Дамаск) Багдад, Султаню и Шираз. Благодаря разысканиям В. Л. Вяткина, мы знаем, что Миср „обширное городище правильной четырехугольной формы“ находится на юг от Самарканда, близ левого берега Даргама, в низовьях арыков Аббас и Карануас. На запад от города, несколько севернее селения Хишрау, подле древней стены (Дивари Кыямат), лежало селение с именем Димишк, которое по преданию заселено было пленными, захваченными при взятии Дамаска. И, наконец, в четырех фарсах на север от Самарканда, на границе культурной полосы, поставлена была Тимуром крепость с именем Шираз, которая по преданию была заселена пленными выходцами из Ширази. К северу от Самарканда находилось и селение Султаня. Местоположение селения Багдад не выяснено. Но любя город, интересуясь его жизнью и заботясь о его внешнем убранстве, Тимур жил не в нем, а в загородных дворцах, выстроенных среди зелени прекрасных садов, которые производили на современников сильное впечатление.

И так любил Тимур свои загородные сады, что, возвращаясь с того или иного похода, он передвигался со своей свитой из одного сада в другой. То он проводил время в саду „Баг и Диль Кушо“, то после того как совершит зиарат в мазаре Кусамы ибн Аббаса (Шах и Зиндэ), направится в сад „Баг и Чинар“ и оттуда в „Баг и Бишишт“ и дальше в „Баг и Балянд“. Благодаря описаниям Шереф-ад-дина аль-Язди и Клавихо, мы имеем полную возможность восстановить, хотя бы в основных линиях, не только облик садов и дворцов, но и самую жизнь в них, как она протекала вокруг двора Тимура и его жен.

Возвращаясь из дальних походов на Запад, Тимур проезжал через родной (по семейным воспоминаниям) Кеш (Шахрисябз), откуда в северном направлении и лежал путь на Самарканд. Здесь, по словам автора „Зафар-намэ“, приблизительно в семи фарсах от столицы находился перевал Такта-Карача, на северном склоне которого разбит был сад и построен прекрасный дворец, получивший название Джахан-Нумо. Это была как бы станция, где, в обстановке удобной и красивой, можно было отдохнуть от тяжестей длинного пути. По этой же дороге, в окрестностях Самарканда, вблизи арыка Даргам, в месте, между ним и арыком Шаудар, неподалеку от селения Миср, лежал прекрасный сад с именем „Даулет-Абад“, подробное описание которого и оставил нам Клавихо в своем дневнике. Это был сад, окруженный глиняным валом, величина которого, по определению кастильского посла, равнялась испанской лиге, т. е. четырем верстам.

Широкий поток разрезал сад на две части. Аллеи высоких, тенистых деревьев шли от водоема к водоему. На высоком холме стоял прекрасный дворец со множеством комнат, богато убранных золотом, лазурью и эмалевыми изразцами. Глубокий ров, всегда наполненный водой, окружал этот холм, и с шумом падал в него большой поток воды. Два моста перекинута с одного берега рва на другой. Пройдя их, нужно было войти в ворота и подняться по лестнице. В саду водились олени и было много фазанов. А вблизи большой виноградник, окруженный рядом стройных, высоких деревьев. Звали его Кильбет.

Нет сомнения, что это и есть сад, который в Самарканде известен был под именем „Даулет-Абад“, тем более, что и Клавихо указывает на его местоположение, вблизи селения Месер, т. е. Миср. Здесь и пробыло посольство кастильского короля, во главе с Клавихо, с воскресенья 31 августа до понедельника 8 сентября 1404 г. „Даулет-Абад“ есть вторая и последняя станция на пути из Кеша в Самарканд. Остальные сады лежат вблизи самого города, окружая его со всех сторон.

Первым на пути из Кеша лежал сад „Баг и Чинар“ вблизи юго-западной части г. Самарканда. Что это так, можно заключать на основании „Зафар-намэ“. В 807 г. хиджры Сахиб Кыран (обладатель счастливой звезды), т. е. Тимур, покинув знакомый уже нам дворец „Джахан-нумо“, сделал остановку в саду „Баг и Чинар“, откуда и отправился в город к медресе царевича Мухаммед Султана, которое было рядом с нынешним мавзолеем Гур Эмир. О „Баг и Чинар“ говорит и Клавихо, под именем Байгинар. В нем, по его словам, был богатый дом, который еще не был закончен постройкой. Осенью 799 г. хиджры (1397 г. нашей эры) на юго-восток от нынешнего туземного города, на краю местности Кан и Гиль, где земля покрыта густой зеленью, а воздух чист и приятен, где много радостей, превышающих усладу Ирема (земной рай), Тимур отдал приказ разбить сад и построить дворец, предназначенные для Тукель-Ханым (одна из его жен). Сад был назван „Баг и Диль-Кушо“, что значит „Сад, радующий сердце“.

Автор „Зафар-намэ“ в выражениях торжественных и напыщенных, как и подобает официальному историку, обстоятельно расска-

зывает о начале и ходе работ по созданию одного из лучших садов Мавераннахра.

В час утренний, когда уже гаснут звезды и солнце яркое выходит из-за горизонта, звездочеты устанавливают свой гороскоп и определяют согласно счастливым предзнаменованиям начало работ. Выписываются лучшие мастера, знающие свое дело садовники и прекрасные строители-архитектора. Намечается довольно большой участок земли, образующий правильный четырехугольник, окруженный стеной, каждая сторона которой равна 1500 гязам. В середине каждой стены поставлены ворота, арочные порталы которых украшены разноцветными изразцами. На углах высятся голубиные башни, отделанные, как и порталы ворот, цветной эмалью.

Через одни из этих ворот и вошел 8 сентября 1404 г. Клавихо, чтобы представиться ожидавшему его там Тимуру. „Входная дверь в этот сад, — пишет он, — была очень широкая и высокая, превосходно отделанная золотом, лазурью и изразцами“.

Сад разбит на аллеи, по краям которых поднимаются белые тополя. Треугольные и шестиугольные участки заполнены плодородными деревьями и цветущей растительностью. Пушистые персики и абрикосы, сладкий виноград, яблоки красные, сливы разных сортов и много других плодов вызревают в саду „Баг и Диль-Кушо“. В середине сада построен дворец — куполообразное здание, по трем сторонам которого поднимаются высокие арки, по всей вероятности, арочные порталы.

Описывая сады Самарканда, известный уже нам Бабур указывает, что стены дворца в саду „Баг и Диль-Кушо“ были украшены картиной, изображающей одно из индийских сражений Тимура. В целом, здание производило впечатление изящества и красоты. К сожалению, описание Шереф-ад-дина аль-Язди и Клавихо столь кратко, что нет никакой возможности конкретно представить себе этот дворец. Однако несомненно, что по основным формам своим он мало чем отличался от архитектурных форм мечетей и мазаров. Купол, арка и изразцы, здесь, как и там, являют собой основные элементы здания. Нельзя не отметить одной детали: Клавихо, говоря о загородных дворцах, несколько раз подчеркивает, что они были крестообразны. Как это понять? Историк мусульманского искусства следовало бы обратить внимание на этот вопрос!

Войдя в сад и подойдя ко дворцу, Клавихо так описывает Тимура: „Он сидел на возвышении, поставленном на земле, и перед ним был фонтан, который бил вверх, а в фонтане были красные яблоки. Царь сидел на маленьком матраце из вышитой шелковой материи и локтем упирался на круглую подушку. На нем была надетая одежда из шелковой материи, гладкой, без рисунка, а на голове высокая белая шапка с рубином наверху, с жемчугом и драгоценными камнями“.

В саду было много палаток, красивых, сделанных из шелка и украшенных яркими красками.

Рядом с садом „Баг и Диль-Кушо“ был сад „Баги Булды“, откуда, согласно „Бабур-намэ“, шла по направлению к Самарканду длинная тенистая тополевая аллея, подходившая к воротам Фирюза (бирюзовые), которые, как мы уже видели, лежали в восточной части города. Отсюда ближайшим был сад „Накши-Джахан“, кото-

рый, по словам того же автора, раскинулся „у подошвы возвышенности Кухак, над Канигильским ручьем, называемым Аби-Рахмат. А затем в направлении к северу от арыка Сиаб, за старым валом (Дивар и Кыямат) лежал сад „Баг и Балянд“. Найти его нетрудно, — в указанном направлении есть возвышенная местность, носящая в наши дни имя „Баг и Балянд“. Нет сомнения, что сад с этим именем был именно здесь. Остатки сохранившихся стен дают возможность определить как размеры, так и контур его площади.

К сожалению, Клавихо, описывая загородные сады, не всегда указывает их имена. Самое интересное его описание как раз и дано без упоминания имени сада. Так, 15 сентября, Тимур, по словам Клавихо, отправился в большой и красивый сад. „Высокие и красивые ворота, сделанные из кирпича и отделанные изразцами, лазурью и золотом на разные лады“, вели в этот сад. В нем много деревьев, дающих сладкие плоды и прохладную тень. Аллеи и дорожки пересекают его в разных направлениях. На фоне зеленой листвы там и сям разбросаны яркие пятна палаток. Поставленные навесы из ковров и „разноцветных шелковых тканей, вышитых вставленными кусками“, только усиливают впечатление цветового эффекта.

Среди сада стоит красивый дворец, „построенный крестообразно“. „Пол и стены были покрыты изразцами“, а кроме того „стены были убраны занавесями из шелковой ткани розового цвета. Эти занавеси были отделаны серебряными позолоченными бляхами с изумрудами, жемчугом и другими камнями, очень хорошо вставленными“. Сверху по ним спускались вниз „куски шелковой ткани, шириной в пальмо, уходившие до низу и отделанные так же, как и занавеси. И от этих кусков висели шелковые разноцветные кисти, и когда их касался ветер, они качались в разные стороны, что было очень красиво“.

В доме было три комнаты. В большой — стоит серебряный с позолотой стол вышиной в человеческий рост, шириной в три локтя. „Перед ним стояла постель из маленьких матрацов из камокана и из других шелковых тканей, вышитых золотом, положенных один на другой на полу, — тут сидел царь“. Дверь в комнату убрана занавесью, „висевшей на палках в роде копий“. На полу лежат ковры, „посреди этого дома перед дверью стояли два золотых стола, каждый на четырех ножках. И столы, и ножки составляли одно целое. Они были длиною каждый пальмов в пять, а шириной пальма в три. На них стояло семь золотых кувшинов, два отделанных крупным жемчугом, изумрудом и бирюзой, которые были вправлены в них с внешней стороны, и у каждого из них возле отверстия был рубин. Кроме того было шесть круглых золотых чашек, одна из них была отделана с внутренней стороны крупным, круглым и светлым жемчугом, и посредине был вправлен рубин, шириной в два пальца и настоящего хорошего цвета“.

К сожалению, интересное описание касается только внутреннего убранства дворца, внешний же облик сада изображен в столь общих чертах, что нет никакой возможности узнать (путем сравнения с другими описаниями) его имя. Можно только предполагать, что это один из трех садов „Баг и Балянд“ („Высокий сад“), „Баг

и Шамаль“ („Северный сад“), „Баг и Бихишт“ („Райский сад“). А который — навсегда останется неизвестным.

В „Зафар-намэ“ дан интересный рассказ о постройке дворца в саду „Баг и Шамаль“ („Северный сад“). Находится он на север от города. В. В. Вяткин оспаривает это направление и говорит, что слово „шамаль“ может обозначить не только „север“, но и „северный ветер“, следовательно, нет необходимости считать его непременно лежащим на севере. Его надо искать на западе, в местности, которая и в наши дни носит название „Баг и Шамаль“, рядом с валом „Дивари-Кыямат“. Как и всегда, Шереф-ад-дин аль-Язди рассказ свой ведет в выражениях напыщенных, нагромождая образ на образ. В 799 г. хиджры (т. е. 1397 г. нашей эры), когда был устроен сад „Баг и Диль Кушо“, Тимур приказал построить дворец в саду „Баг и Шамаль“, принадлежащем внучке его, дочери Миран-шаха. Были приглашены опытные строители и проворные мастера из Фарса, Ирана, Азербейджана и из других стран, которые в час счастливый, в момент удобного стояния звезд, заложили устои нового здания. Под бдительным наблюдением вельмож и самого Тимура, который проявлял большой интерес к постройке, день и ночь сменяя друг друга, работали артели рабочих и мастеров. Законченный дворец производил впечатление крепкого и устойчивого здания, по стенам которого возвышались колонны из мрамора, который привезен был из Тебриза.

К сожалению, подыскивая красивые и пышные образы, чтобы подчеркнуть очарование дворца, автор „Зафар-намэ“ не дал самого простого описания, без чего мы в конечном итоге бессильны.

По той же западной стороне лежит сад и дворец „Баг и-Бихишт“ (Райский сад), выстроенный Тимуром в 1378 г. для Туман-аги (одна из его жен).

Наконец, также на запад, неподалеку от селения Ляля-Зар, рядом с городской стеной лежал сад „Баг и Нау“ („Новый сад“).

Краткое, но четкое описание оставил в своем дневнике Клавихо. „Он был окружен высокой четырехугольной стеной, и на каждом углу стояла высокая круглая башня. Стена была очень высока и такой же работы, как и башни. Посредине стоял большой дом, построенный крестообразно, с большим водоемом перед ним. Дом был гораздо больше, чем в других садах, которые они видели до тех пор, и отделан богаче золотом и лазурью.

Все эти сады с дворцами были вне города. Этот назывался Багино“.

V

С Т А Н

Совершенно особое место среди образов старого Самарканда занимает стан Тимура. Едва ли можно найти другой материал, где бы так ярко выявилось своеобразное преломление двух течений, идущих с одной стороны из степи, с другой — из культурной городской полосы. Нигде так оригинально не легли архитектурные формы городской стройки на традиционные типы степного жилища, как здесь.

Почти весь сентябрь 1407 г. Клавихо провел в садах Самарканда, а в октябре был приглашен посетить Тимуровскую ставку и праздники, которые там устраивались.

„В понедельник шестого октября посланников привезли туда, где стояли орды. Приехавши, они увидели много прекрасных палаток, из которых большая часть стояла на берегу реки. Они были очень красивы и стояли близко одна от другой“. Опираясь на слова Клавихо, невозможно определить точное местоположение стана, однако, благодаря упомянутому Бабур-намэ, вопрос разрешается сравнительно просто. Согласно последнему, в окрестностях Самарканда есть несколько прекрасных равнин. Среди них равнина Кан и Гиль, лежащая на северо-восток от города и расположенная по берегам большого арыка Аби-Рахмат (приток Аби-Сиаб), изобилует водой и пашнями. Здесь и устраивали самаркандские правители свои ставки, в которых ежегодно проводили один или два месяца. Арык этот существует и в наше время, так что с точностью можно установить это интересное место.

По описанию Клавихо, стан представлял собою исключительно красивое зрелище. Тысячи палаток и юрт, в правильном порядке, образуя улицы и дороги, заполняли не только указанную долину арыка Аби-Рахмат, но красовались, как яркие пятна „в садах, на лугах, и у воды вокруг всего города“. В дни больших тоев (праздников) Тимур отдавал приказ по всему Самарканду, чтобы торговцы всевозможных товаров, как продавцы тканей и драгоценностей, а также ремесленники („повара, мясники, хлебники, портные и башмачники“) собрались в станы и, расставив свои палатки, образовали бы торговые ряды, где можно было бы покупать, как в городе.

Итак, это был интересный временный город, выстроенный из ковров, кошем и шелков, где яркие краски материй обоглащались лазурью неба и зеленью соседних садов.

Большими размерами и яркостью своего убранства выделялась группа своеобразных строений, принадлежащих женам Тимура. Среди других, по словам Клавихо, красовался „большой и высокий павильон, сделанный в роде палатки, но только квадратный и такой высоты, как три копы, если не больше. Бока его не доходили до земли почти на расстояние копы, в ширину в нем было сто шагов. Он был четырехугольный, а потолок был круглый, как свод, и опирался на двенадцать столбов, каждый толщиной в грудь человека. Он был разрисован лазурью, золотом и другими цветами. От угла до угла было три столба, и каждый был сделан из трех кусков, скрепленных в одно... С верхнего свода, где был потолок, до низу спускался кусок шелковой ткани по каждому столбу. Эти куски привязывались к столбам, и когда они были прикреплены таким образом, то от одного к другому образовывалась арка. С внешней стороны этого квадрата было точно крыльцо, тоже четырехугольное, а вверху соединенное с самым павильоном. Это крыльцо поддерживалось двадцатью четырьмя столбами, не такими толстыми, как те, что в середине, так что всех столбов в этом павильоне было тридцать шесть. Он натягивался на верное сотнями пятью цветных шнурков.

Внутри он был покрыт красным ковром, а в нем были сделаны вставки, разнообразно и красиво вшитые из других шелковых тканей разных цветов и в некоторых местах прошиты золотыми нитками. Посреди потолка была самая богатая работа, а по четырем углам его были изображены четыре орла со сложенными крыльями. С внешней стороны этот павильон был покрыт шелковой тканью с белыми, темными и желтыми полосами, похожими на сарсан. На каждом углу павильона поднимался вверх столб, и на каждом столбе было медное яблоко и над ним изображение луны. Над самым высоким местом павильона поднимались другие четыре столба выше первых, и на них были тоже яблоки и большие луны. А между этими столбами над павильоном стояла башня с разнообразными зубцами из шелковой ткани, с дверью, через которую можно было войти в нее. Когда ветер приводил в беспорядок павильон и столбы, люди всходили наверх и шли по ней, куда было нужно. Она была так высока, что издали казалась замком. Так велик, так высок и обширен был этот павильон, что на него нельзя было смотреть без удивления, и красоты в нем было гораздо больше, чем возможно описать... Вокруг этого павильона была ограда, как возле города или замка, из шелковой разноцветной ткани, вышитой вставками разным образом, с зубцами наверху и со шнурками с внутренней и внешней стороны, которыми она сдерживалась. Внутри же были столбы, поддерживающие ее. Эта ограда была круглая, около трехсот шагов ширины, а стены были высотой с человека на лошади. В ней был очень высокий вход, сделанный в виде арки, с дверями внутрь и наружу той же самой работы, как и ограда, и одна дверь запиралась. Над входом была четырехугольная башня с зубцами, и хотя ограда эта сделана была со многими узорами и переплетами, но дверь арки и башня были еще лучшей работы, чем все другое¹⁾.

Внутри ограды находилось много навесов, юрт и палаток. Одна из последних, большая, по словам Клавихо, была „из шелковой материи, сделанная так, что казалась точно из изразцов“. Все взятое и образует определенное целое, объединенное одной оградой, которую Клавихо называет то Салапарда, то Калапарда, что есть испорченное персидское слово Сараперде. Таких оград кастильский посол насчитал одиннадцать, „одна возле другой, каждая своего цвета и своей отделки“. Расстояние между ними не шире улицы. Все стоят рядом и принадлежат женам Тимура и женам внуков его.

Ограда, подробно описанная у Клавихо, принадлежала старшей жене Тимура—Сарай-мульк-Ханым¹⁾. Для лица, интересующегося вопросами мусульманского искусства, они должны представлять большой интерес. Пусть описание Клавихо, подробное и конкретное, страдает некоторыми неясностями, однако основные черты столь характерны, что останавливают на себе внимание. Павильоны, палатки, навесы несомненно сделаны из материала, хорошо знакомого стенному быту. Кошмы, ковры, шерстяные ткани, приготовляемые в степи, хлопчатобумажные и шелковые материи,

¹⁾ У Клавихо она известна под именем Каньо.

ввозимые степью, — постоянный материал, который употребляется степной аристократией для постройки своих жилищ. Но вместе с тем несомненно и то, что приведенные архитектурные формы сложились под влиянием соприкосновения с городской культурой и ее стройкой. Если сводчатый потолок знаком степнякам по юрте, то наличие арочных входов, колонн, зубчатых оград, а также цветных вставок, наподобие изразцов, дающих ту или иную группу ярких цветов, переносит нас к образцам персидской каменной архитектуры, которая не могла не пленять любящих яркие краски степняков. Среди других элементов декоративного убранства, и рисунок, выведенный с помощью эмалевого цветного изразца, будет особенно доступен взору степняка, ибо близость его с ковром несомненна.

Почти весь октябрь 1404 г. в стане Тимура шли праздники.

Судя по всему, снующая пешая и конная толпа, которая заполняла обыкновенно улицы и базары Самарканда, покинула город и ушла в стан, где, по приказу Тимура, ремесленники и торговцы захватили для себя целые участки между палатками, образуя обычные для восточного города улицы-базары. В понедельник 13 октября Клавихо вновь был приглашен на большой праздник, который на этот раз устраивал сам Тимур. Направляясь к тому месту, где находился владыка Самарканда, он увидел две новых ограды, перед которыми бледнело впечатление от виденного несколько дней назад.

Стены, ограды, сделанные из красного ковра, были выше тех, что поразили его сознание незадолго перед тем. Выше был и вход в виде полусводчатой арки, вышитой золотом по красному полю. Наверху „над дверью стояла четырехугольная башня с зубцами из такого же ковра и с такой же отделкой, как дверь“.

Ограда, высокая и длинная, украшена зубцами, где по ковра идет золотая вышивка. По стене через определенные промежутки поставлены окна „с узорами, вышитыми по ткани шелковыми шнурами“. Затворялись они небольшими дверцами, сделанными из того же материала, что и сама ограда. Внутри стояло много прекрасных палаток, а рядом другая ограда, столь же большая и красивая, но только белого цвета. Напротив оград раскинут большой павильон, устроенный „из белой шелковой ткани“, внутри и снаружи которой выделялись цветными пятнами куски разных материй. Вокруг площади, на которой находились палатки, принадлежащие Тимуру, через некоторые промежутки стояли огромные бочки с вином, предназначенные для праздника, а пока служившие для обозначения черты, за которую никто без разрешения не мог пройти. Кругом ходила стража и нещадно била всякого, кто преступал эту черту. Но, несмотря на это, все вокруг было заполнено шумящей и ждущей выхода Тимура толпой.

В этот день были устроены игры и увеселения. Разукрашенные в синий и зеленый цвета слоны, с поставленными на них беседками, принимали деятельное участие в представлениях. От выкриков, а главное от барабанов, которые не переставая вторили веселящейся толпе, стоял такой шум „что на удивление“, восклицает в одном месте Клавихо. Но вот вышел из свой палатки Тимур и направился к павильону, где его уже ожидали

музыканты. Тут же находилось около трехсот кувшинов с вином, да два треножника, на которых лежали кожаные бурдюки с кобыльим молоком и сливками. Стоящие рядом люди палками мешали молоко и клали в него куски сахара. Через некоторое время после появления Тимура одна за другой из соседних оград выходят в порядке старшинства все „девять“ жен его. Первой вышла Сарай-мульк-Ханым, или Каньо, как ее называет Клавихо. На ней было платье широкое и длинное, из красного, вышитого золотом, шелка, без рукавов, но с проймами для рук. Оно было очень просторно и так длинно, что подол его несли около 15 женщин, „поднимая его кверху для того, чтобы она могла идти“. Лицо было густо покрыто чем-то белым, так что казалось бумажным. Белая тонкая ткань в виде покрывала спускалась на него. А на голове высокий шлем из красной материи, весь усыпанный жемчугом, рубинами, бирюзой и другими драгоценностями. Поверх его был красивый золотой венок, украшенный камнями. „Над шлемом точно маленькая беседка, и в ней было вставлено три рубина, каждый шириной в два пальца“. Рубины яркие и с сильным блеском. Головной убор увенчивался султаном в локоть вышиной, перья которого, перетянутые золотой ниткой, спускались до самых глаз. Распущенные волосы, черные как смоль, довершали пышный убор. С ней шло около трехсот женщин, и несколько из них руками поддерживали ее причудливую прическу. Высоко над ней держали навес от солнца, в виде зонта, из белой шелковой материи. Впереди шли, обычные для восточных гаремов, евнухи. Придя в павильон, Сарай-мульк-Ханым села рядом с Тимуром на возвышении из мягких подушек и „матрасов“, положенных один на другой. Трое из ее свиты остались около, чтобы поддержать пышный головной убор. Вслед за ней появилась вторая жена Тимура, Туман-ага, известная у Клавихо под именем Кинчикано ¹⁾, одетая так же, как и Сарай-мульк-Ханым. Села она рядом на возвышение, которое, однако, было ниже первого. За второй, в порядке старшинства, последовала третья, и дальше. Когда все уселись, начался пир, в котором деятельное участие принимали и жены.

Заканчивая на этом, еще раз хотелось бы подчеркнуть, что рядом с работами, которые ставят себе задачи чистого исследования, где наличие причинно-следственных связей лежит в основе всего, может параллельно существовать и другой подход, дополняющий первый. Мы имеем в виду правильно найденный образ прошлого. И если „образы старого Самарканда“ скажут что-нибудь в этом смысле читателю, автор сочтет себя вполне удовлетворенным.

¹⁾ Ключюкханым.